

АЛЕВТИНА ИСТОМИНА

Я И ДРУГИЕ МАМЫ

РАССКАЗЫ

СЕРЁЖКА

Дарить мне подарки, особенно хорошие и значимые вещи — это всё равно, что взять и выбросить их на помойку. Если вам хочется подарить мне что-нибудь хорошее, просто выбросьте это из головы, и подарок свой туда же отправьте.

Я уже говорила, что была цыганкой в прошлой жизни. Предположительно. А теперь расплачиваюсь за все украденные украшения.

Пришла на работу в двух серёжках, ухожу в одной. Им от роду три дня. Новенькие, подаренные от души. Я как увидела пустое ухо, так сразу выть захотелось от беспомощности своей. Обшарила весь холл, раздевалку и душевую кабину. Все верхнюю одежду по ниточке разобрала. Полотенце, которым вытиралась, под микроскопом рассмотрела.

Не бывает так. Так не должно быть, что им три дня, а их уже нет. Несправедливость какая-то. Это даже для меня слишком круто.

План А: Куплю на “Авито” одну, наверняка не одна я такая. Тык-тык на сайте. Напрасно — я одна такая. Уникальная.

План Б: Ладно, куплю ещё комплект, будет три, наверняка потеряю ещё одну. Три раза обошла все возможные места, сникла.

Часа два прошло. И я подумала: почему так просто сдаюсь? Из всех сил буду на ладонке представлять её и чувствовать радость. Прямо как заору:

ИСТОМИНА Алевтина (УСЕНКО Алевтина Андреевна) родилась в 1983 году в Анапе. После школы окончила с красным дипломом Российский государственный университет физкультуры, спорта, молодёжи и туризма. Работает тренером по волейболу. Живёт в Москве. Выпустила книгу рассказов “Босиком по лужам”.

“Нашлась! Ура!” Нужно почувствовать эту вибрацию радости. Будто, правда, вот она.

Если я мылась, она могла в сток провалиться. Да?

— Александр! Умоляю, сделайте что-нибудь.

Александр — это наш технический персонал. Мастер своего дела. Он вооружился какой-то шутовщиной, сразу видно — для вылавливания серёжек из канализационных труб. А я стою и не сдаюсь. Я вижу её на ладони. Грязную такую, без застёжки. И не отпускаю её. Если я махну рукой и скажу своё дебильное: “Ничего страшного”, — то всё, понимаете, конец.

А я держусь из всех сил. За свой спортивный топ. Почему-то трясу его — и вдруг она выпадает прямо из топа. Подействовало, сработало!

Я не сдаюсь.

АРИШКА

Неужели двенадцать лет назад я вот так же сидела на кухне в семь утра и недоумевала, почему мой муж пошёл чинить стиральную машинку к соседям вместо того, чтобы везти меня в роддом?

Это наша фирменная история.

Аришка научила меня летать. Быть лёгкой. Гибкой. Искать нестандартные решения. Менять моё “нет” на “да”.

Она прибирается лучше меня, если найдёт вдохновение. Мне остаётся только помогать это вдохновение искать, пинками иногда.

Я обожаю читать, она ненавидит.

Но! У неё всё по полочкам, она с самого детства знает, чего хочет. Уже в годик она точно знала, какие ей нужны носки, жёлтые или фиолетовые. Хотя, мне кажется, в этом возрасте тебе должно быть фиолетово, какие на тебе носки.

Она самостоятельная. Самодостаточная. Чёткая (именно этот эпитет почему-то подходит как никакой другой). С первого класса рюкзак она собирает себе сама, а Варю, мне так кажется, и в институт я собирать буду. Прости, Варя.

Она весёлая. Добрая, красивая, нежная. А в детстве была колючим ёжиком. Шустрым, деловым и вечно занятым своими делами. Даже на ручках сложно было подержать.

— Мне некогда, мама.

Я обнимаю тебя, моя большая девочка. Я каждый год вспоминаю, как ты появилась. Горластая. Крикастая. С глазами, как спелые вишни, и ирокезом на голове.

Такая красивая и любимая.

— Вы из роддома сразу в парикмахерскую?

Наш крутой подросток, просто будь счастливой каждый день!

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Самый страшный монстр — это домашка, набрасывается на меня, как только я переступаю порог. В планах у меня был ужин. Видимо, отменяется. Ненавижу уроки. Пытаемся с Аришей разобраться, Варю вдруг заклинило: “Я птичка, я птичка...” — и так сто четыре раза, и сияет, как медный таз. Потом легла на пол и давай ножками топать и хитро улыбается, ей тоже эта домашка по барабану.

Раз двести пропихнул телефон и вдруг вырубился. В группе “садик” жаркая дискуссия, которая длится вторые сутки, на повестке дня — кармашки на шкафчик за двести рэ или за триста. Психанула, написала: “Вся эта активность из-за 100 р.?”

Замолчали. Ответить во все группы просто физически невозможно. По предварительным подсчётам, их около двадцати.

Семь минут разговора по телефону, а в комнате будто кто-то взорвал пакеты с шарфами и шапками. Вернее, не “кто-то” и не “будто”, а сами знаете, кто раскидал все мои шарфы и шапки.

Сразиться с грязной посудой, ликвидировать последствия “взрыва”, расправиться с ужином, управиться со стиркой, нечаянно перевернуть горшок.

— Мама устала и хочет полежать, — и брякнуться прямо посреди всего этого безобразия.

А потом, когда всех уложишь спать, — включить музыку, заварить чай и просто сидеть.

Сидеть и даже не думать, тихонечко так сидеть.

Если вам страшно, так бывает не всегда. Если спросите, хотела бы я приходиться домой и слышать тишину — нет!

Я хочу всего этого, того, что есть сейчас. Просто нужно вовремя подзабряжаться.

И находить время для себя.

— Тебе почитать?

— Нет, мам, иди, отдохни и сама почитай, ведь ты так хотела!

МЫ

— Давай сбежим вдвоём куда-нибудь, а? Такая возможность выпала. Поужинаем, в кино ходим?

— Ура-а-а! Свидание! Я надену то платье!

— Договорились! Чёрт, только мне вставать завтра ни свет, ни заря и ехать двести пятьдесят км.

— Ну, давай просто в кино ходим, а?! По-быстрому. А то я вспомнила, у меня завтра мероприятие важное на работе. Буду ночью готовиться. Ещё нервничать буду.

Стоим на кассе, складываем провизию в четыре пакета и, как идиоты, ржём. Кассир слегка напряжена и посматривает: чо ржут, может, деньги забыли? Это ей повезло ещё, что мы на камень-ножницы-бумага не скидывались, кто платить будет.

А нас не остановить. На свиданку собрались. Трясу этими пакетами из супермаркета: вот она и киношечка тебе, вот он, ресторанчик! Дома жуй, дома пей.

СОПЛЯ

— Вот так встреча!

Они обнимаются на ходу в трамвае.

— День рождения? Ну, сколько тебе стукнуло, рухлядь? Всего восемьдесят три? Так ты ещё совсем сопля! — и старшая энергично так шлёпнула младшую подругу по плечу.

— Мы с тобой, видишь, какие модные. Меня нынче внуки на все выпускные зовут. Надень, мол, бабуля, свой брусничный костюм и ордена свои надень. Так нет у меня орденов, милье, говорю.

— Где ж они, потеряла?

— Не ордена это, а медали.

— Ну, всё равно, надень. А я, как открою шкаф, там у меня костюмы и платья все по цветам — кремовые, вишнёвые, лазурные...

— Что нам ещё нужно с тобой, блондинистым? — и младшая ловко заправляет седой локон под берет.

— Куда направляешься?

— За путёвкой еду. От завода направляют. Целых восемнадцать дней буду гулять, читать, мечтать, дышать морским воздухом, — младшая даже зажмурилась от удовольствия.

А я сидела, рот до ушей, крутила головой, любовалась ими, радовалась и ловила каждое слово. Это же круто, что в восемьдесят три для кого-то ты ещё совсем сопля.

СКАЗОЧКИ

— Мамочка! Сказочку! Читай, читай!

— Ага, выбирай!

— Жили-были старик со старухой... нужно в магазин завтра, молоко, сахар...

— Что, что такое? Какое молоко?

— А-а-а, стоп! Ой, прости. — Моргаю усиленно. — Ну, жили они не тужили, и была у них внучка...

Веки, как свинец... Когда же наша бабушка навестит своих внучек... Надо было развесить бельё, да и фиг с ним... Квитанции найти... И фотки на пропуск до сих пор не отправила...

— А дальше, дальше что?

— А-а-а? Прости, прости. Пошла она в лес с подружками... Такси надо бы заказать заранее на завтра... Uber kids заранее нельзя заказать.

— Мамочка, ну, какое такси, они пешком шли ведь... Не спи. Читай, читай дальше...

Бывает, я отрубаясь во время чтения. И несу всякую чушь. Варя смотрит на меня с большим удивлением. Иногда смеётся до слёз. Иногда сердится, что я так странно засыпаю. Я вздрагиваю и помню лишь огрызок фразы, которую я бормотала, мне дико смешно...

Только умоляю, не говорите мне, что так не умеете. Скажите, что не только я обладаю этой странной суперспособностью, да?

ПРЫЖОК

Я всегда хотела полетать на этой дурацкой чугуевской резинке. Знаете, такая огромная рогатка. Тебя помещают в жилет-трусы, крепко затягивают со всех сторон и выстреливают в небо.

Передо мной был мужчина. Он кричал благим матом на весь пляж. Отборным русским матом. Почему меня это не остановило? Если бы я сто раз подумала перед прыжком, я бы передумала, честно признаюсь. Но я решила даже и не думать.

В свободном падении и вверх тормашками посещают мысли, что всё-таки надо было сначала подумать. А потом уже было не до дум. Улетаешь всё выше, и мысли вместе с желудком. Или он всё-таки выше.

Если вы потом планируете вечером выпить клубничную “маргариту”, после резинки этой, ну, она будет почему-то уже не такая вкусная.

Не резинка, а “маргарита”.

Вкуснее всего будет душ и спать, чтобы скорее забыть, как желудок перепрыгивает через мысли.

Но, если подумать, мне понравилось.

ПРОСПАЛИ

Если ранним утром непривычно тихо, значит, мы проспали школу. Выбраться из кровати так, чтобы Варя не заметила, нет никакой возможности. Она катапультируется оттуда со скоростью света, отчаянно шлёпает босыми ногами и включает режим “плаксивый хвост”. Ни на какие уговоры: “Просто ещё немножко полежать”, — не поддаётся. А мне нужно собрать Арину в школу.

Мир катится под откос — к сырникам, оказывается, нет сгущёнки, это раз. Вы знали, что сырники без сгущёнки — это гадость? Я постоянно забываю. И, чтобы вы понимали масштаб трагедии, однажды мне пришлось

варить варенье из замороженных ягод за девяносто секунд, потому что сырники без варенья — это тоже гадость, пустая трата времени и творога.

Отсутствие варенья в нашем доме может стать началом новой жизни, холостой. Но это уже про другого члена семьи. Дажинсы, те единственные из десяти пар, не высохли. Хотя мать и обещала, что они просохнут за ночь. Они не сдержали своего обещания, и мать тоже. Это два. Позвонить в ЖЭК и выяснить, до какой осени они так слабо топят батареи.

Третье и самое страшное — у Вариного коня пропало платье. Лёг в платье, а проснулся без. Я, конечно, виновата. Перед сном обещала это платье выкрасть, чтобы постирать. И сделала это опрометчиво во всеуслышание. Так как добровольно оно не сдавалось в стирку. Цепкие Варины руки крепко держали коня и платье с кусками грязи.

Хлюпал нос: “Это девочка, ей нельзя без платья!”

Оказалось, что платье в чемоданчике, а он в кукольной кровати под куклами. А кровать под сушилкой для белья, завешанного этим самым бельём.

Я терпеливо продолжаю петь оду йогурту и сырникам со сметаной. Складываю Арише еду в контейнеры. Начинаю подозревать, что в классе учится тысяча прожорливых одноклассников, потому что полный контейнер винограда бракуется как малогабаритный...

Ещё полчаса активных сборов, и Ариша с Ромой отправляются в школу. Мы с Варей выдыхаем.

Нам нужно одеть коня, меня, Варю и бежать в детский сад.

ОГУРЦЫ

Бабушка впереди меня в аккуратном пальто из тех времён. Ей нужны солёные огурцы. Может быть, она их съест целиком или мелко порежет в оливье.

— Мне грамм сто!

Продавщица с идеальной причёской странно двигает носом.

— Там всего две штучки выйдет, — кривится она.

— А мне как раз столько и надо!

Идеальная причёска ковыряется в ведре с огурцами, брезгливо расправляет пакет на чаше весов.

— Сорок четыре рубля!

Бабушкин чёрный кошелёчек трогательно звучит от щелчка шариков-пеллудчиков. Внутри пятьдесят рублей бумажкой и мелочь.

— Тогда мне ещё один! — произносит она так, словно речь идёт не об огурцах, а о драгоценных перстнях. Продавщица, выдыхая, шипит.

На красивой ладони, слегка деформированной временем, мерцают монетки. Они кажутся сокровищами. А она не из тех бабушек, которых хочется взять на ручки. Это парица, и она спешит в своё царство на обед.

Рассол пролился по чаше весов. Продавщица сгребает с красивой ладони шесть рублей мелочью и пятьдесят бумажкой, завязывает нервный узел на пакете с тремя огурцами и почти швыряет в сумку бабушке. Та поворачивается, уходит.

— Стой, мать!

Бабуся возвращается, продавщица вытаскивает из её сумки пакет с огурцами и засовывает его в дополнительный пакет.

МЕТРО

В метро жизнь. Если тебе скучно — езжай и смотри не в телефон, а во все глаза.

Варе уступили место. Оно очень узкое и тесное, там, где три сиденья. Посередине.

— Мама, ты садись, а я к тебе на ручки.

Это всегда умиляет пассажиров. Не то, чтобы Варя заботится обо мне, ей просто кажется, что я сильно далеко от неё, если я стою, а она сидит.

Хотя, может, я и ошибаюсь. Недавно она сказала вот что: “Я сяду к тебе на ручки, хочу, чтобы ты тоже отдохнула!” Мне было жуть как приятно.

Я поправляю Варюшины ножки, чтобы она не испачкала бабушку справа.

— Не волнуйся, милая! Своих детей вырастила, и внуков, и правнуков.

— Вот это да! У вас и правнуки уже?

Бабушка не выглядит дряхлой.

— Дочку заставила родить в семнадцать, только бы не аборт! Потом её сына воспитывала. Как своего. Он до сих пор в День матери звонит мне первой, а не ей. “Ты моя мама, ба”. А дочь не прикоснулась к его воспитанию. Да что и говорить, я сама выросла без матери. Хотя какая разница, кто занимается с ребёнком. Главное, чтобы люди хорошие. Нельзя баловать их. И деньгами тоже. Мой внучок потерял как-то сто рублей, плакал навзрыд. “Ты, ба, заработала, а я...” — ничего, милый, бывает. А он мне даже мальчишкой помогал. Я дома убирала, дачи, везде с собой его таскала. А сейчас он помогает мне. Уже семьёй обзавёлся. Тридцать ему почти. А правнучке два годика. Дети — это хорошо, внуки — счастье, а правнуки — я не знаю, как и сказать уж. Рыдала я над этим комочком, словно впервые на руках такую крошку держала. Не баловать их главное, не кутать. Да и слишком от микробов не уберегать. Мои даже с пола поднимали и ели, ничего, это не страшно. Иммуитет ведь — это не йогурты да кефиры всякие, это другое, запомнила?

— Запомню.

— Это когда дети босые бегают и не укутанные. Да под дождём без зонта. Никогда зонта у меня не было, и всё нипочём. А до того, как попала в детский дом, болела я страшно. А там — такая круговерть, танцы, гимнастика — всегда в движении. И болеть некогда, да и не возился там с нами особо никто, третью пару носков не надевал, молочко не подогревал. И здорова я до сих пор, хоть семьдесят два мне стукнуло.

— Выглядите моложе.

— Ношусь больше молодых. Анализы все сдала, жить ещё и жить. Только глаза вот не видят. Мужчина сидит напротив, вижу, да, а лица нет у него. С сетчаткой что-то. Дорогу перехожу — не вижу, на какой свет. Особенно днём не вижу. Вот так руку выставляю вперёд и иду, а что поделаться?.. Так что не ругайтесь на бабушек, которые идут на красный свет.

РАСКРЫТА ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

Пользуйтесь на здоровье.

Вдруг исхудала, ну, вдруг, а? Радуйся прессу и ножкам-палочкам.

Если наоборот — глубокому вырезу платья. Если брюки не застёгиваются даже лежа, наслаждайся лицом, остальное — прятать.

А лицо, оно от лишнего веса только краше. Кожа гладенькая такая, натянута.

Загорела — кайфуй, наоборот — это аристократическая бледность.

У меня знакомая есть, которая в любой свой жизненный период остаётся на высоте. Она пользуется именно этим способом.

Голова грязная — красивый головной убор, платьице скромное — ярче губы, сердце разбитое — украшениями завесь его.

Вот и всё. Просто ведь.

А у вас что сегодня? Красивая шапка, красная помада или классные украшения?

У меня декольте и лицо гладенькое.

МАМА

Если я размораживаю и драю холодильник, значит, приезжает мама.

У меня несколько примет. Если я тру с высунутым языком зеркало в ванной — значит, гости неожиданные нагрянут. И прямо сейчас они звонят

в домофон, а я не открываю, потому что тру. Если глажу одежду прямо на кровати без гладильной доски — просто кое-кто уже на пороге объявил, что нужна срочно именно та кофта. Я тоже такое практикую, поэтому смиренно разглаживаю.

Если я скачу на одной ноге с выпученными глазами и мокрой головой — значит, я всё ещё верю в телепортацию. Если на вопрос в СМС: “Ты где? Я уже на месте”, — упорно молчу, значит... Я до сих пор скачу с мокрой головой и верю в телепорт.

Но холодильник — случай особый. Полночи накануне приезда мамы я громыхаю им. Куски антарктических глыб с грохотом падают в пропасть и не дают спать домочадцам. Конечно, все возмущены.

А я? Я говорю, что это особый день! Все должны быть к нему причастны, и немножко нужно потерпеть. Во-первых, разморозка — это не так часто, это знаменательное событие. Во-вторых, это разморозка холодильника, который по frost. Откуда тогда в нём лед, кто знает?

В процессе оттаивания я понимаю, что он уже не так хорош. И было бы классно взять и выкинуть его прямо сейчас. А завтра встать немного пораньше, часа в три утра, и купить новый. Тем более, мне нужен побольше. Это я вычислила по тревожному маминую голосу, который настойчиво спрашивает, а точно двадцать три кг багажа и десять ручной клади, сто процентов? Не потому, что у неё много вещей, нет.

А потому, что вместе с мамой нелегально в чемодане прилетают семнадцать кур, свинья и четверть коровы, и стая хамсы, так мне кажется. Я ещё умалчиваю про бочку варенья, ведро мёда, про стаю уток, косяк судаков, ящик домашних пельменей — самолет “Анапа-Москва”, но в термопакете они отлично себя чувствуют.

Вот почему, понимаете, я размораживаю холодильник и выбрасываю всё лишнее. Чтобы с комфортом разложить этих аппетитных переселенцев с юга России в её столицу. Такое счастье распахнуть двери и разместить их в просторных прохладных и чистых апартаментах. Добро пожаловать в мой холодильник!

А вы как готовитесь к приезду или приходу мамы?

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Пойдём, мама, я покажу тебе мою Москву.

Мы немного погуляем в центре, позавтракаем и обязательно пройдемся по магазинам. Нам нужны подарки для папы и бабушки, тёти, дяди и сестрёнок... и про кошку не забудь. Хотя возвращение мамы будет самым лучшим для них всех подарком.

Мой встроенный в голову навигатор не ладит с обычным, я мучительно долго планирую маршрут. А потом воодушевлённо машу рукой — идём туда, Москва, она вся красивая в центре, что-нибудь увидим. Спонтанность лучше всяких планов. Главное, мягко маневрировать в толпе, создавая ощущение, что ты в этом потоке. Так и задумано. Скользить и сливаться с толпой.

Мы начали свой день с яиц Бенедикта, и вдруг нам в 11:45 налили по бокалу розе.

— Хорошего утра, — будто специально сказала официантка. И высокий бокал на тонкой ножке замер на полпути, игриво сверкая пузырьками. Я посмотрела на часы. Почти полдень. И немного отлегло. Можно. Двенадцать же.

— Прекрасного дня!

Потом мы снова гуляли и радовались солнцу. Оно, как и пузырьки, тоже очень радует.

Очнулись, когда покупали два килограмма фарша в Елисейском, всякие шоколадки с матрёшками, конфеты с видами Москвы и почему-то крем для ног. А также просто всякую съедобную ерунду, потому что там нарядно и красиво, и хочется всё съесть. Там уже Новый год.

— И что, — говорю я, распределяя пакеты между четырьмя руками, — с этим всем добром мы идём в Зарядье?

— Да ну эти парки, — говорит мама, — я есть хочу, суп хочу, домой хочу.

В этом вся мама. Но моя программа-минимум не могла закончиться на этом. Моя Москва должна быть чуть шире. Она не должна ограничиться яйцами Бенедикта и просто прогулкой.

Мы отправились в магазин, там лестница красивая и просто погреться. Периодически я ставила пакеты где-нибудь, а потом вспоминала про них и...

— А мясо-то, мясо где моё?!

— Наверное, ты его оставила в примерочной.

Вы обязательно спросите про тот фарш, я знаю. Четыре котлеты, если вам о чём-то это говорит, пришлось старательно переваривать в тот вечер.

ДОМ

Врываешься и первым делом принохиваешься. Водишь носом — чужие запахи: новый стиральный порошок, незнакомые мамины духи. Непривычно. Слегка тревожно. И даже немножко ревнуешь, что не ты подарил эти духи. Затем сканируешь предметы. Новый уют, микроволновка, цветные бокалы. Непривычно. Красиво, но не то. Цепляешься глазами за знакомые предметы. Привет, старые друзья, я помню ваши складочки-морщинки. Совсем не изменились, от этого тепло так. Мир перестаёт дрожать. Приходишь в гости к детству после разлуки.

И вот именно этот момент запоминается больше всего — эта игра в новое и старое.

САМОЕ КЛАССНОЕ

Это ждать маму с работы.

Даже сейчас, когда я попадаю домой, я снова превращаюсь в маленькую меня.

Ждать маму с работы — это самое лучшее дело на свете. Прислушиваться к шагам на лестнице, к разговорам в подъезде, а потом услышать мамин голос среди соседских и с третьего этажа на первый радостно голосить: “Мамуля-я-я!” Да так, чтобы скорее от неё отстали все и поняли, как её сильно ждут дома.

Потому что она — добрый доктор Айболит, и везде её все ждут.

У нас как-то стояло трюмо возле двери. А до глазка я не доставала, надо было стул тащить или балансировать на одной ноге и мониторить в глазок, не идёт ли мама.

Тут очень важно поймать этот момент, когда остаётся ей подняться последний пролёт перед дверью. А ты, как чёрт из табакерки, выглядываешь в открытую дверь: “Сюрприз!”

Грохнула я это трюмо однажды, огромное зеркало вдребезги. Сижку, рыдаю от страха. А чего бояться, меня вообще ни за что никогда не ругали. Никогда. Я не понимаю, как так? Я всегда была для всех своих домашних ребёнком с большой буквы.

Не ругали даже тогда, когда очень следовало. Будто зеркало это противное само разгромилось, а я тут ни при чём.

Я всегда была права. Даже когда нет, а это хуже всякой отравы. Совесть, она такая разъедающая, что не оставит места живого на тебе, если что не так. Тройку получила, наверное, что-то с учителем не так.

Мама всегда меня защищает.

До того защищает, что я не выдерживаю:

— Да сама я разленилась, сама виновата, привыкла, что всё прощается. Вот и не подготовила домашку, обнаглела, говорю, так и надо мне, тройбан этот только на пользу, сейчас как всё выучу с новой силой, вот увидишь.

Отвлеклась я.

Ещё лучше — ждать маму прямо возле дома, когда гуляешь. Теперь уже с детьми. И вот тут, когда мама появляется из-за угла, нагруженная клубникой и помидорами, несёмся мы теперь уже втроём: “Мама-а-а, бабушка-а-а...” — и набрасываемся на неё на полпути. Выхватываем кучу пакетов с продуктами и параллельно ворчим, куда, мол, столько набрала, разве нельзя было вместе сходить?..

И тут же восторгаемся тем, какая клубника обалденная, малина и помидоры — просто очуметь. Ягоды пробуем тут же, минуя их мытьё. Животы не заболят, нет.

Честно говоря, я жутко всегда расстраиваюсь, что мама идёт на рынок без меня. Как и в детстве, я обожаю ходить вместе. И пока Варя ещё слишком мала, Ариша любит ходить с бабушкой. Без меня. Потому что я мешаю покупать им всякую ерунду. Мы с Варей чувствуем себя такими одинокими, когда заговорщики уходят скупать половину Анапы.

Как же я уже соскучилась, мама...